

В Цзянху начали ходить слухи о некоем чудесном лекарстве, способном вернуть мёртвого к жизни и даровать бессмертие. Называлось оно Пилюлей Возвращения Сердца. Ради облачения им школы и секты сходились в смертоносной резне, друзья предавали друг друга, и даже семьи распадались. Чтобы усмирить это внезапно поднявшееся лихолетье, императорский двор направил прославленного своими боевыми заслугами Генерала Лю. В конце концов беспорядки удалось подавить силой, но после этого Генерал Лю словно канул в лету, исчезнув из мира людей.

Желая избежать распрей, мой отец забрал матушку и меня и поселился неподалеку от этой скрытой от мирской суеты деревни — Деревни Гуйхуа.

Помню, как-то раз я спросил отца, почему бы нам не поселиться прямо в деревне, вместо того чтобы жить на отшибе, ведь деревенские жители относились к нам с невероятной добротой. Тогда я никак не мог найти этому объяснение.

Однако я запомнил лишь одни слова отца: «Я боюсь навлечь беду на других, а жить здесь вполне неплохо».

Тогда я понимал его слова лишь наполовину, поэтому не стал расспрашивать дальше.

Если не считать уединённости, в этом месте не было никаких изъянов. Круглый год здесь витал тонкий аромат османтуса, и даже не в сезон цветения воздух был напоен его благоуханием. Стоило чуть-чуть вдохнуть — и в лёгкой свежести угадывались едва уловимые нотки сладости, что тихо и незаметно разливались в пространстве.

Впрочем, у этого земного рая был один-единственный недостаток: за целый год здесь едва ли удавалось встретить хотя бы пару чужаков. Именно поэтому гости были в диковинку для деревенских жителей — через них можно было узнать об устройстве внешнего мира. Человеческая природа полна любопытства, и обитатели этих мест не были исключением.

Взять хотя бы сегодняшний день! В деревню пожаловал какой-то старик. Сказав, что путь его лежит мимо, он поинтересовался, не сможет ли передохнуть здесь до утра, раз уж наступил вечер.

Узнав в чём дело, сельчане наперебой зазвали старика в гости к себе, подняв такой шум, что спорили на повышенных тонах.

Старик, столкнувшись с подобным приёмом, явно растерялся. Возможно, его испугало чрезмерное гостеприимство местных жителей: он даже не мог связать двух слов.

— Уважаемые земляки, давайте все сначала успокоимся! Вы же спугнете гостя, давайте говорить по очереди, — не удержался я, оказавшись поблизости.

— Наша семья хочет пригласить почтенного гостя к нам за стол! Дети вечно расспрашивают про внешний мир, всё просят им рассказать, да я сам ничего не смыслю. А тут как раз подвернулся такой случай, вот и хочется пообщаться, — затараторила соседка, тётушка Лю.

— И наш дом тоже! — подхватил старейшина рода.

Все вокруг разом принялись наперебой зазывать гостя.

Видя такую горячность деревенских, старик просто не мог никому отказать. Оказавшись между двух огней, он смущённо произмолвил:

— Я тронут вашей добротой, но всё же решил погостить у этого молодого человека.

Услышав это, все уставились на него с изумлением.

— А? — невольно вырвалось у меня от удивления.

— Да, братец, побеспокою тебя, — сказал старик.

Я огляделся по сторонам и, перехватив ошеломлённые взгляды односельчан, едва ли не пожалел, что не умею растворяться в воздухе — мне казалось, что если я помедлю хоть мгновение, разъяренная толпа разорвет меня на клочки.

Впрочем, в конце концов сельчане решили уважить выбор старика. Не найдя ни единой причины для отказа, мне пришлось с кислым видом согласиться.

— Пришли, дедушка, чувствуй себя как дома, — произнёс я, толкая дверь.

— Ого, а здесь и правда всё как на ладони! — удивлённо воскликнул старик.

Я покосился на него и с досадой бросил:

— Извиняй уж! Придётся потерпеть. Всё равно ты здесь всего на одну ночь, разве завтра не уйдёшь? Перебьёшься как-нибудь.

Старик с интересом посмотрел на меня, уселся за край стола, сам налил себе чашку воды и, не торопясь, сделал глоток, после чего поинтересовался:

— Юноша, как тебя зовут? Ты живёшь один? Где твои родные?

Я тоже пододвинул табурет и сел напротив старика:

— У Сюй. Дома я один, родители уже умерли.

Видя невозмутимый вид старика, я продолжил:

— Столько людей звали тебя в гости, а ты выбрал именно меня. Сам же видишь, я влачу жалкое существование в этом мире, и никто не знает, сколько мне ещё отведено. Даже если я умру прямо здесь, об этом вряд ли кто-то узнает, так что извини.

Старик окинул меня взглядом и мягко произнёс:

— Юноша, судя по годам, ты ещё совсем молод, к чему такие упаднические речи? В твоём возрасте подобает быть полным сил. Нет ничего прекраснее и ценнее, чем жить настоящим. Пусть ты одинок, но твои ушедшие родители наверняка хотели бы, чтобы ты смотрел в будущее с надеждой, не так ли?

— Только это упование у меня и осталось, — ответил я.

— А не думал ли ты отправиться странствовать? Глядишь, обретёшь то, ради чего стоит жить! — предложил старик.

— Верно, я и сам так думал. Взять меч и в одиночку отправиться покорять просторы, я бы с удовольствием заглянул в Цзянху, — с улыбкой ответил я.

— Вот именно! В этом и заключается истинный дух юности! — одобрительно кивнул старик.

Его слова тотчас пробудили во мне жгучий интерес. Поднявшись на ноги, я склонился над столом и принялся подливать ему воды в чашку, пытаюсь угодить гостю, и от этого движения из-за пазухи случайно выскользнул висевший на груди кулон.

Я невольно бросил взгляд на старика и заметил, что при виде моего украшения его лицо вмиг стало суровым и сосредоточенным.

Не понимая в чём дело, я спросил:

— Что такое? Мой кулон чем-то вас заинтересовал?

Он тут же поспешил отговориться:

— Ничуть! Просто красивая вещица, никогда раньше не видел ключей, вырезанных из цельного

нефрита.

— Это оставили родители. Говорили, что если буду сильно тосковать по ним, стоит лишь взглянуть на него, и они будто окажутся рядом, — тихо проговорил я.

Однако старик продолжал сверлить вещь взглядом.

— Предупреждаю сразу: даже не думай заглядываться на этот кулон!

Старик улыбнулся:

— Не беспокойся, я просто посмотрел, никаких дурных мыслей. К тому же денег у меня предостаточно.

— И вправду богат? — обернувшись к нему, переспросил я.

— Ну а как же? Похоже на то? — усмехнулся он.

— Ещё как похоже! Богатство — это прекрасно. Как насчёт такого: раз уж у тебя водится звонкая монета, с тебя сто лянов за ночлег! Идёт? Вдобавок я ещё и охранять тебя буду! — заявил я, возвращаясь на своё место.

Старик удивлённо уставился на меня:

— От такого твоего резкого поворота на сто восемьдесят градусов мне даже стало любопытно. Сто лянов за ночь — не слишком ли грабительски? Чем это отличается от разбоя? К тому же, ты же сам говорил, что ночлег бесплатный!

Я поднялся, сделал пару шагов по комнате и с ухмылкой пояснил:

— Потому что ты богат! А мне предстоит отправиться в Цзянху, как же обойтись без дорожных расходов?

— Подумаешь, причина! Придумай что-нибудь более убедительное, тогда послушаю, — возразил старик.

— На тебе простая одежда, выглядишь бедно, с первого взгляда можно принять за нищего. Твои сапоги и штаны покрыты толстым слоем пыли — значит, путь проделал немалый. А под слоем пыли на штанинах проступает застарелая кровь: как ни старайся скрыть грязь, а от глаз не укроется. Всё это указывает на то, что за тобой по пятам шли убийцы, причём дело не терпит отлагательств. К тому же от окраины деревни до моего дома не меньше четырёх-пяти

ли пути. Мои покойники-родители выбрали это место подальше от людей ради тишины, и каждый сельчанин, добираясь сюда, непременно жалуется, как сильно устают ноги. Ты же человек в возрасте, к тому же прихрамываешь на одну ногу, однако от деревенских ворот досюда дошёл без малейшей одышки, а шаг твой был твёрд и размерен. Это выдаёт в тебе человека искушённого в боевых искусствах и притом мастера высочайшего класса. Ну как, я прав? Разве сто лянов за ночлег — это дорого?

Старик усмехнулся:

— Вовсе нет, совсем не дорого. Раз уж ты даже мою выучку разглядел, грех было не запросить такую цену. Но позволь спросить, юный герой, а сам-то ты владеешь боевыми искусствами?

— Ни капли. Умею разве что быстро уносить ноги, — с железобетонной уверенностью отрезал я.

Старик рассмехался в ответ, а затем осведомился:

— А поесть что-нибудь найдётся?

— Есть, есть! Подожди немного, сейчас мигом сварю тебе миску лапши. Раз есть деньги, будет и всё остальное! — улыбнулся я.

— Эх, малец, да у тебя на уме одни деньги, — покачал головой старик.

— Жизнь нынче тяжела, — подмигнул я.

С этими словами я направился на кухню.

Глядя на небо, я подумал, что сегодняшняя луна кажется необычайно яркой и круглой.

Лунный свет падал на стоящее неподалёку дерево османтуса. В ночной тишине оно казалось отчётливо видимым, вплоть до каждого лепесточка.

Лёгкий ветерок перемахнул через поле, коснулся ветвей османтуса и пахнул мне прямо в лицо. Чистый воздух с тонкими нотками цветочного аромата мгновенно наполнил душу безмятежностью.

Я глубоко вдохнул, наслаждаясь этой прекрасной ночью, и невольно промолвил:

— Наконец-то в наш дом заглянул гость.

— Старик! Старик, лапша готова! — крикнул я, выходя с миской в руках.

Я бережно поставил блюдо на стол и затараторил:

— Дедушка, отведай на славу, это последняя миска осталась!

Подняв голову, я замер. Старик сидел, безвольно склонив голову набок, из уголков его рта непрерывно сочилась кровь, а руки из последних сил пытались удержать тело.

— Старик, что с тобой?! Я же всего-навсего сварил миску лапши, как ты дошёл до такого? — испуганно завопил я, бросаясь к нему на помощь.

В этот момент старик изо рта выплеснул целый сгусток крови, вцепился в мою руку и слабым голосом выдохнул:

— Боюсь, эту ночь мне уже не пережить... У меня к тебе есть одна просьба.

С этими словами он вытащил из-за пояса крошечную тыковку-горлянку, по форме напоминавшую тот самый кулон. Вложив её мне в ладонь и крепко сжав мою руку, он прерывисто заговорил:

— Сделай милость, передай эту вещь сыну нынешнего Министра Ли — Ли Яну. Обязательно вручи лично в руки, увидев её, он сразу всё поймет.

Разглядывая миниатюрную тыковку, я с сомнением покачал головой:

— Послушай, дедушка, положи руку на сердце, хоть у меня и мелькали мысли податься в Цзянху, но сколько себя помню, я носа из деревни не высывал. А теперь ты требуешь отправиться в самую столицу с поручением — это, знаешь ли, трудновато. Да и к тому же, эту тыковку наверняка нужно отпереть ключом, не тот ли это нефритовый ключ-кулон, что висит у меня на шее?

Старик окинул меня взглядом, вытащил из рукава пачку серебряных банкнот и промолвил:

— Деньги у меня есть. Если поможешь, все эти сто лянов станут твоими.

Заглянув в глаза старику, я взял банкноты и расплылся в улыбке:

— Ладно уж, уговорил!

Губы старика тронула слабая усмешка:

— Я хочу, чтобы ты пустился в путь немедленно. Посланных за мной убийц я перебил, но вскоре их товарищи объявятся снова. Мне нечего дать тебе в награду, поэтому я передам тебе всю свою внутреннюю энергию. Надеюсь, это поможет тебе довести моё дело до конца.

Едва он договорил, как опустил ладонь мне на макушку. В тот же миг по всему моему телу словно раскрылись поры, мощный поток тепла хлынул по каналам, наполняя каждую клеточку небывалой силой.

Спустя мгновение старик замертво рухнул на пол. Как я ни звал его, ответа больше не было.

Покончив с похоронами старика и закопав тела наёмников, я опустился на колени перед свежим холмиком земли:

— Уважаемый, хоть я и не знаю твоего имени, но слово своё сдержу — непременно доставлю вещь по назначению, спи спокойно!

Поднявшись на возвышенность и глядя в сторону деревенских ворот, я во весь голос прокричал:

— Цзянху, я иду!

В ту секунду сердце моё трепетало точно так же, как птица, заточённая в тесной клетке, вырывается на свободу в тот самый миг, когда дверцу распахивают настежь. Свобода, жажда странствий, неизведанные опасности — всё наполняло душу светлой надеждой.

Бросив прощальный взгляд на могилу старика, я произнёс:

— Ну всё, дедушка, отправляюсь-ка я побродить по Цзянху да заодно твою посылку доставлю.

Не оглядываясь назад, я зашагал вперёд.

<http://bllate.org/book/20995/2134579>